

Сайлас сидел на краю стены, взгляд его был пустым, зрение затуманенным и размытым. Он часто наклонялся вперед и назад, как пьяный - во многом потому, что в данный момент он им и был. Кувшин с вином висел в его руке, покачиваясь вместе с его телом. Он пусто смотрел на снег, вспоминая далекие воспоминания. Большинство из них превратились в размытые пятна. Он забыл. Забыл все.

Замахнувшись, он понял, что прикончил тыкву, и зарычал от злости, прежде чем отбросить ее как можно дальше. В процессе он поскользнулся и упал, грохнувшись на спину. Он не чувствовал боли, но ощущал, как все это давит на него.

"ААААГТХ!!!" - безумно кричал он в темное небо. Он больше не мог. Он умирал так, так, ох так много раз. Он видел, как они умирали так много раз, так много способов. Так много раз.

Он жил одной и той же жизнью бесконечно. Снова и снова. Воспоминания, которые он уже не мог пересказать. Дни, недели, месяцы и десятилетия превратились в одно целое, а его разум потерялся среди них. Потерянный. Преследуемый. Измученный. Ничто больше не имело значения. Одинокий. Слабый. Потерянный. Сломанный.

Он хотел умереть. Он пытался умереть. Но не мог. Каждый раз он просыпался на том же месте, в то же время, с той же целью. Он хотел умереть. Покончить со всем этим. Но мир не позволил бы ему. Он был уверен. Это был ад. Это был его ад. Он должен был раскаяться, он должен был раскаяться, он должен был раскаяться. Еще больше его убеждало в этом то, что он начал видеть их. Сначала это были просто тени на деревьях. Голоса в темноте. Далекие, прерывистые, непоследовательные.

Но когда его разум начал ускользать, они обострились. Тени стали временными лицами, а лица - фигурами. Они судили. Они плакали. Они плакали. И снова. Они были там. Они сидели на карнизе, рука об руку, глядя на него с бледными лицами.

"Нет, нет, пожалуйста, уходите, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста", - бормотал он, рыдая, отступая назад, пытаясь убежать, но понимая, что это бессмысленно - они оставались на том же расстоянии, как бы он ни старался убежать. Они всегда были там. Сидели. Наблюдали. Их бледно-голубые глаза были как порталы к воспоминаниям, которые он похоронил. Или думал, что похоронил, во всяком случае. Но это не так. Вдобавок ко всему прочему, его разум позволил им всплыть на поверхность. Вынырнуть из кипящего дна каталога его воспоминаний и преследовать его. "Я не могу... пожалуйста... нет, нет, уходи... уходи... уходи... уходи... уходи..."

Уткнувшись головой в колени, он раскачивался взад-вперед, плача, дрожа, трясясь. Он хотел, чтобы они исчезли. Исчезнуть. Уйти обратно в глубины его вины и позолоченных воспоминаний.

"Папа".

"НЕТ!" - закричал он, отступая назад. "НЕТ! НЕТ! УХОДИ! ТЫ НЕ НАСТОЯЩИЙ!!! ТЫ НЕ НАСТОЯЩИЙ!!!", - его голос был ревом, громом, разразившимся на весь мир. Он кричал так громко, что у него болело горло. Но эта боль была невидима под тяжестью горы. Он не смел открыть глаза - но это не имело значения. Она была там. Темная или нет. Она была там. Стояла. Сидела. Плакала. Смотрела. Умоляла.

"Больно, папа".

"НЕТ! БОЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА!!! ДАЙТЕ МНЕ УМЕРЕТЬ!!! пожалуйста!!!" он споткнулся о ноги и поскользнулся, переваливаясь через перила и падая со стены.

Ты умер.

Было холодно. Холоднее, чем сам холод. Она проникала в его душу, в его сердце, во все, чем он был. Они были там до сих пор, даже после его смерти. Они сидели на ветке дерева. Они прятались в кустарнике. Они были лицами в ревущем огне. Голоса в потрескивающем пламени. Тени, отбрасываемые светом слабой луны. Он не мог. Было больно. Больно до боли.

"Ад, это ад; последнее наказание Бога. Да, наказание. Я заслужил это! Заслужил!" - безумно повторял он, слезы и сопли застывали на его лице.

"Папа".

"Мне жаль, мне так, так, так жаль", - снова разрыдался он, отшатнувшись. "Мне жаль, мне жаль, мне жаль...", - повторял он в бесконечность, бормоча это как молитву. Даже вечность, которую он чувствовал в своей душе, не могла его ошеломить. Ни к этому. И не к этому. Не к ней. Никогда.

"Папа".

...

Он задыхался, катаясь в лихорадочном бреду. Повсюду вспыхивали стробоскопические огни, его тело казалось чужим. Он слышал голоса, знакомые и незнакомые. Далекие. Близкие. Обеспокоенные. Счастливые. Тревожные. Радостный. Ужасно. Страшно. Ему нужно было бежать. Он должен был сбежать из этого ада. Он не мог. Больше нет. Он не хотел. Каждый день было больно. Каждый день болел. Каждый вдох, который он делал, казалось, поджигал его легкие.

Один раз. Он просто должен был преуспеть один раз. Ему было все равно как - мастерство, удача, рука Бога - это не имело значения. Он должен был отбить армию. Спасти замок. Получить сохранение. Ему нужно было новое спасение. Точка, чтобы двигаться дальше. Он не мог остаться. Не мог остаться. Не мог остаться.

Ты умер.

Четыре талисмана взорвались один за другим, пронзая армию мертвых, сокращая их число. Но этого было недостаточно.

Ты умер.

Он расставлял талисманы и использовал их так эффективно, как только мог, но их количество было слишком велико. Этого было недостаточно.

Ты умер.

Это была жестокая борьба. Мужчины сражались храбро. Как герои с картины. Один победил пять-шесть упырей, прежде чем упал. Но... этого было недостаточно.

Ты умер.

"Только один. Пожалуйста. Только один."

Ты умер.

"Что-то. Удача. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста."

Ты умер.

"Что угодно".

Ты умер.

"Пожалуйста".

Ты умер.

"Папа".

"НЕТ!!!"

Ты умер.

"Я прошу тебя..."

Ты умер.

Он был совершенно не чувствующим, не думающим, автономным. Он позволил своим инстинктам вести его, его сердце было неспособно. Мертв. Жестоко избитый. Изнасилованный остатками бесконечности и воспоминаний. Он был человеком, сломленным, но не имеющим инструментов, чтобы починить себя. Все, что он мог делать... это наблюдать, как его разбивают на все новые и новые куски.

Но он очнулся от оцепенения на полпути к битве. Это было здесь. Возможность. Он чувствовал это. Они продержались четыре часа всего с двумя талисманами. Они отбивали их. Многие, многие, многие умирали - но и вурдалаки тоже. Их число явно уменьшалось. Был шанс. Возможность. Его сердце, словно впрыснутое сывороткой жизни, снова начало смело биться.

"Пожалуйста".

Он присоединился к фронту, сражаясь. Он сразил больше упырей, чем кто-либо другой. Десять, пятнадцать в то время.

"Один раз".

Их число уменьшалось. Он почти осмелился надеяться, зажег один из двух оставшихся талисманов, вновь оживив все еще живых.

"Я прошу тебя".

Пламя накатывало, как приливные волны, но быстро гасло от непрекращающегося холода. Бои были жестокими - корпуса сбивались в пепельные, кровоточащие горы. Мертвые были повсюду, всевозможные.

"Я не могу... пожалуйста..."

Он взглянул на последний талисман и на менее чем десять тысяч мертвецов, все еще продолжавших атаку. Он зажег его, и это было сродни вспышке надежды - столб света от самих богов, чтобы изгнать тьму и вызвать новый рассвет.

"Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста."

Молитва. Борьба. Молитва. Это было все, что имело значение в течение оставшегося часа. А потом все прекратилось. Воцарилась тишина. Среди трупов стояли восемьдесят или около того выживших, большинство из них согнулись и истекали кровью. Но мертвых... больше не было. Они были повержены. Сайлас огляделся, ища знакомые лица - Райна, Вален, Теннер, Деррек, Сирс... все они были там.

Райна выскочила на свет и, борясь с кровоточащим ужасом, побежала к нему. Вален, Деррек, Теннер, Сирс и многие другие выстроились напротив него, и в их глазах читалось благоговение.

"Пожалуйста", - пробормотал он, слезы застилали уголки его глаз. "Точка спасения. Дайте мне точку спасения". Впервые, казалось, его молитвы были услышаны. В тот момент, когда Райна остановилась возле него, ее взгляд расширился, появилось окно.

Новая точка сохранения

Даже не задумываясь и не читая, Сайлас нажал "Да". Как раз в этот момент, когда его палец коснулся крошечных букв, парящих в воздухе, раздался удар, похожий на раскат грома. Рука с пальцами размером с башню вырвалась из пустоты и пронеслась по уже разрушенному двору.

Мир застыл. Сайлас мог видеть все - каждую мелочь, произошедшую в тот момент. Каждую мелочь. Но он не мог остановить ничего из этого.

Рука пронеслась прямо за Валеном, Теннером, Дерреком, Сайрсом и другими, разнеся многих людей в щепки - Теннера и Сирса в том числе.

Он увидел, как Деррека подбрасывает в воздух, как струйка крови стекает по следу, как левая рука мужчины отделяется от остального тела в полете.

Он увидел, как Вален закричал от боли, когда деревянный кол вонзился в нижний отдел позвоночника юноши. Осколки разлетелись повсюду в виде кольца. И тут он услышал крик, который вырвал из него остатки здравомыслия. Посмотрев в сторону, он увидел, что Райна вся в крови, а ее тело покрыто осколками дерева и камня. Но, что хуже всего, там, где когда-то с надеждой смотрела пара прекрасных драгоценных камней... теперь стояли кровоточащие, зияющие дыры тьмы.

Реальность разбилась вдребезги, когда на другом конце двора появилось еще одно окно, а рука исчезла, разрушив целый ряд небольших зданий и часть стены.

Новая точка сохранения 'Смерть' была инициализирована.

КОНЕЦ КНИГИ I

<http://tl.rulate.ru/book/66231/1868902>